РАЗСВАТЪ.

У насъ говорится: сватъ на конѣ, а разсватъ на свиньѣ. Будь такъ; но бываетъ иначе: видѣлъ я и наоборотъ.

«Пора пристроить дочь», поговаривалъ помѣщикъ средней руки Махалкинъ, когда бывалъ глазъ–на–глазъ съ супругою своею, Анной Алексѣевной, и она со вздохомъ соглашалась, что пора. А почему пора — этого они другъ у друга не спрашивали. Дочери было всего лѣтъ 18–ть, и ей, повидимому, дѣвичья воля еще не надокучила: но родители думали иначе. Она была воспитана въ столицѣ, съ большимъ трудомъ только приживалась понемногу къ домашнему быту, отъ котораго вовсе–было отвыкла; прежнія подруги, съ которыми она столько мечтала, были у нея еще гораздо болѣе на умѣ, чѣмъ женихи; а выборомъ жениха трудно было на нее угодить, не столько по прихотливой затѣйливости ея, какъ по разборчивости чувствъ и понятій.

Нашелся, однакоже, сватъ, нашлась и сваха, которымъ до всего этого не было никакой надобности, а которымъ только надо было состряпать свадьбу. Машенькѣ сказали объ этомъ тогда, когда дѣло уже было покончено, разсуждая, по принятому порядку, что дѣтямъ объ этомъ до поры говорить негодится. Она ахнула, но не съумѣла даже и испугаться этой вѣсти такъ, какъ бы ей слѣдовало, потому–что не могла образумиться, не могла еще усвоить себѣ этой мысли, а ходила на–яву какъ во снѣ. Но дѣло, какъ обыкновенно, было спѣшное; всѣ торопили, всѣ радовались этой новости, всѣ поздравляли, многіе завидовали; барышни обшивали невѣсту, и родители назначили уже помолвку, пригласивъ, какъ водится, всѣхъ сосѣдей.

Гости съѣхались въ праздничныхъ нарядахъ и съ торжественными ужимками; родители не успѣвали откланиваться и отцаловываться, но на бѣдной невѣстѣ было вовсе–непраздничное личико, и, взглядывая на нее, многіе подтягивали губы и перешептывались. Родители ея были иногда

въ видимомъ замѣшательствѣ; мать ходила за нею слѣдомъ; услужливый рой любопытныхъ толпился за ними; утѣшенія, ласки, наставленія и завѣренія сыпались со всѣхъ сторонъ, но дѣвушкѣ повидимому не было отъ этого легче: ее выводили изъ заднихъ покоевъ въ гостиную еще болѣе–блѣдную и заплаканную, чѣмъ прежде.

Гости съѣхались, какъ водится въ деревнѣ, съ самаго утра; время шло, но между–тѣмъ оставалось еще часа два до обѣда. Широкая дверь гостиной была растворена въ большой садъ, и многіе гуляли по убитымъ и усыпаннымъ дорожкамъ. Туда же вышла съ подругами невѣста; ища покоя и одиночества, она отшатнулась въ сторону съ одною только близкою пріятельницей, и обѣ вмѣстѣ горько плакали. Пріятельница эта не понимала хорошенько горя Маши, привыкнувъ думать и чувствовать, какъ деревенская барышня, что молодой, видный и еще достаточный женихъ — находка; но она охотно плакала, ради тѣсной дружбы своей, и думала: «Боже мой! хоть бы мнѣ

такое счастье!» Въ отчаяніи, подруга эта подозвала своего брата, который зналъ съ издѣтства невѣсту; а какъ онъ теперь самъ недавно засваталъ дѣвушку, то принялъ къ сердцу положеніе бѣдной Маши, сталъ ее утѣшать и разспрашивать. Она открыла ему, въ отчаяніи, всю душу свою. Она была увѣрена, что бракъ этотъ долженъ ее погубить, что счастія, спокойствія отъ этой минуты ей болѣе не ожидать и не видать — словомъ, она оплакивала сама себя, какъ покойницу. Не зная ничего дурнаго о женихѣ своемъ, она и не могла выставить никакой особенной причины этому, но говорила, что онъ ей постылъ и противенъ, что родители ее заживо хоронятъ.

Подумавъ немного, Малоемцевъ (прозваніе этого молодаго человѣка) отправился къ жениху, съ которымъ онъ также былъ близокъ.

«Знаешь ли ты, любезный другъ, какъ невѣста твоя къ тебѣ расположена?» — «Къ–несчастью, знаю. Что жь я стану дѣлать?» «Послушай, дай поговорить съ собой разумное слово! Вотъ что: она

сейчасъ сказала сестрѣ моей, что уважаетъ тебя, слыша о тебѣ одно только хорошее, но не можетъ одолѣть безсознательнаго отвращенія отъ замужства, что бракъ вашъ будетъ обоюднымъ вашимъ бѣдствіемъ, и что она бы почти была готова наложить на себя руку». — «Сохрани меня Богъ!» отвѣчалъ женихъ «отъ такого грѣха и бѣдствія... Да, это истинное бѣдствіе. Люди вмѣшались въ дѣло, сосватали насъ, состряпали свадьбу, и — видитъ Богъ — я тутъ ни въ чемъ не виноватъ. Когда мнѣ стали говорить впервые о невѣстѣ моей, то я ее еще и не видѣлъ; меня привезли, познакомили: она мнѣ понравилась; но правда, никакой особенной привязанности тутъ не было, и мы даже не успѣли хорошенько узнать другъ друга; я не думалъ настаивать, не воображалъ себѣ, чтобъ ее стали неволить, а далъ только съ своей стороны согласіе и полномочіе добрымъ людямъ, которые такъ неудачно и безбожно имъ воспользовались...» — «Хорошо» продолжалъ Малоемцевъ: «на что жь ты при такихъ обстоятельствахъ

рѣшаешься?» — «Другъ мой, на что жь я могу рѣшиться, когда ужь все рѣшено? Развѣ теперь судьба наша въ моихъ рукахъ? Добрые люди постарались за насъ, дай Богъ имъ здоровья; мы оба остались тутъ такъ–сказать лицами посторонними. Теперь поздно; я сватался, они дали слово — дѣло рѣшено!». — «Ты правъ; но я не могу спокойно на это смотрѣть. Ты меня знаешь. Хочешь ли положиться на меня? разрѣшаешь ли меня говорить и дѣйствовать за себя? Я не сдѣлаю ничего, за что бы намъ съ тобой пришлось краснѣть». Женихъ обнялъ его молча и отпустилъ, а самъ побрелъ на край сада.

Малоемцевъ пошелъ къ отцу невѣсты, тамъ къ матери и представилъ имъ яркими красками бѣдствіе, которое ихъ ожидаетъ и которое они по доброй волѣ сами на себя готовятъ, губя съ тѣмъ вмѣстѣ и дочь свою. Напрасно они хотѣли сослаться на Бога, который будто–бы все это устроилъ; Малоемцевъ доказалъ имъ, что Богъ только много и долго терпитъ, а всѣ глупости дѣлаютъ одни люди. Когда же Малоемцевъ

спросилъ наконецъ, для чего жь они такъ настоятельно хотятъ выдать дочь за человѣка, котораго она не желаетъ, даже не терпитъ, и какого блага отъ этого ожидаютъ? то мать, въ слезахъ, а отецъ просто въ дуракахъ, отвѣчали поминаясь, что они хотѣли устроить *счастье* дочери. «А такъ–какъ вы теперь убѣдились, что это было бы *несчастьемъ* ея» продолжалъ онъ: «то, конечно, сами дочери своей топить въ омутѣ не станете? словомъ, вы болѣе настаивать не будете?» Отецъ и мать испугались этой мысли, увѣряли, что теперь ужь поздно, что безъ страшнаго позора перевершить этого дѣла нельзя, и что остается только молиться и положиться на Бога.

«Подумайте жь нѣсколько лѣтъ впередъ и представьте себѣ живо, что теперь еще въ вашей волѣ предупредить бѣдствіе» продолжалъ Малоемцевъ: «а тогда уже, конечно, будетъ поздно. На Бога не сваливайте ничего: это дѣла человѣческія. Что, если дочь ваша чрезъ годъ явится

опять въ домъ родительскій ни вдовой, ни женой, ни невѣстой?»

Старики пришли въ отчаянье и не знали, что начать. Тогда Малоемцевъ сказалъ имъ прямо: «Откажите жениху: онъ на это согласенъ; откажите прямо, по истинной причинѣ, объявивъ, что на это была воля невѣсты». — «Но что скажетъ женихъ на позоръ этотъ? что скажутъ гости? что тетушки, сосѣдки, свашеньки? что весь уѣздъ, вся губернія?» — «Каждый изъ нихъ, по–мѣрѣ и степени разсудка, который Богъ ему далъ, скажетъ, что ему угодно, но отъ этого участь дочери вашей и не зависитъ; поговорятъ и перестанутъ; перемелется — все мука будетъ. А женихъ, какъ я вамъ сейчасъ докладывалъ, принимаетъ все на себя». — «Помилуйте» завопилъ отецъ: «подумайте о томъ, что вы говорите: у насъ гости съѣхались со всѣхъ сторонъ; они званы на помолвку... все приготовлено...» — «Такъ что же?» отвѣчалъ тотъ: «развѣ вы готовы для того пожертвовать дочерью, что у васъ созваны гости и столъ готовъ? Развѣ вы обречете

дочь свою на вѣковую гибель, или по–крайней–мѣрѣ хотите заставить ее страдать десятки лѣтъ потому только, что у васъ уже пирогъ испеченъ и все къ этому приготовлено?»

Старики ломали руки и не знали, что отвѣчать.

«Успокойтесь же» сказалъ Малоемцевъ «и благодарите Бога, что еще есть время и все можно исправить. Вотъ еслибъ вы уже обвѣнчали молодыхъ, тогда бы я не сталъ васъ ни усовѣщивать, ни утѣшать; а теперь отчаяваться ни въ чемъ. Откажите жь жениху, откажите гласно, безъ слезъ и безъ отчаянья, а за тѣмъ, велите давать обѣдать и станемъ пировать, будто ничего не бывало». — «Какъ, обѣдать?» завопила Анна Алексѣевна, накрывъ лицо руками... «Охъ, не до обѣда будетъ, не до пиру теперь...» «Нѣтъ, матушка Анна Алексѣевна, именно до обѣда, и прикажите подавать больше вина, да угощайте отъ души: и вамъ и всѣмъ добрымъ людямъ будетъ о чемъ порадоваться: вы сдѣлали благое дѣло. Я у васъ разсватъ и буду

потчивать и пить здоровье и кричать громче всѣхъ. Празднуйте спасеніе дочери вашей, которую чуть–было не погубили. Ручаюсь вамъ, что и женихъ и невѣста и всѣ гости будутъ веселы и радостны».

Какъ ни дико, а дѣло сталось по немъ. Долго не поворачивался у отца языкъ, чтобъ вымолвить предъ гостями этотъ роковой отказъ; всѣ и безъ того уже, видя разладицу, были какъ–то не въ своей тарелкѣ, и свадьба эта, несмотря ни на какое стараніе людей, знавшихъ приличіе, и потому считавшихъ обязанностью хохотать и веселиться, все–таки болѣе походила на похороны, чѣмъ на свадьбу. Когда же отецъ, собравшись съ духомъ, вышелъ и сказалъ–было слово, а тамъ и заикнулся, а Малоемцевъ выступилъ и договорилъ за него, что–де невѣста, которой дѣвичество еще не надокучило, упросила родителей отказать жениху и дать ей свободу, а женихъ–де такъ благороденъ и честенъ, что не вступается въ свои права и отнюдь не хочетъ, чтобъ бракъ совершился противъ воли невѣсты; когда все это было

проговорено, чинно и степенно, то правда, что это поразило всѣхъ: иные приподняли брови выше лба, другіе повѣсили носы ниже бороды, никто не зналъ какъ стать и сѣсть, на кого глянуть и что говорить; но Малоемцевъ нашелся какъ нельзя–лучше: онъ сталъ шутить, взялъ за руку жениха, объявилъ себя разсватомъ, настоялъ на томъ, чтобъ женихъ съ невѣстой, передъ расходомъ, подали другъ другу руку въ знакъ мировой, потомъ тутъ же громко потребовалъ шампанскаго, чтобъ выпить здоровье ихъ, разсмѣшилъ всѣхъ, даже и жениха и невѣсту, которая вскорѣ развеселилась до того, что родители сами не могли на нее нарадоваться и налюбоваться. За столомъ, одна круговая чара обносилась за другою съ разными шутками и остротами; пили за здоровье и благоденствіе молодыхъ, и женихъ, къ–счастью, также съумѣлъ найтись въ этомъ странномъ и трудномъ положеніи и держался какъ–нельзя–лучше и приличнѣе. Невѣста была такъ мила, что день этотъ, не напугавъ молодёжи, даровалъ ей трехъ

новыхъ жениховъ: кого она изберетъ — не знаемъ. Веселились далеко за полночь, и всѣ разъѣхались домой, довольные такимъ необычайнымъ праздникомъ.